

ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ

ГРЕГ ВАЙСМАН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
В14

Greg Weisman

WORLD OF WARCRAFT: THE SPIRAL PATH

Печатается с разрешения издательства Scholastic Inc.
при содействии литературного агентства Andrew Nurnberg

Дизайн — *Рик ДеМонико*
Обложка, иллюстрации — *Aquatic Moon*

Вайсман, Грег.

В14 World of Warcraft. Traveler: Извилистый путь : [фантастический роман] / Грег Вайсман; [пер. с англ. Д.А. Старкова]. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 416 с.: илл.

ISBN 978-5-17-109067-8

Жизнь двенадцатилетнего Арамара Торна круто изменилась, когда его отец, капитан Грейдон Торн, от которого долгие годы не было вестей, решил взять его с собой в очередное путешествие. Увы, несколько месяцев спустя корабль Грейдона был атакован жуткой разбойничьей бандой, известной как Сокрытые, и Арам в компании со вторым помощником капитана Макасой Флинтвилл оказался в непроходимых дебрях Фераласа. Но куда больше мальчика тревожили вопросы, оставленные отцом без ответа. Кто эти Сокрытые? Что за странный компас — компас, который даже не указывает на север, — вручил ему на прощание Грейдон? Чтобы разгадать эти тайны, Арам с Макасой пускаются в путь, и в странствиях по удивительным землям Азерота обретают нескольких новых друзей — а также немало число врагов.

Когда-то Арам не слишком был внимателен к тому, что происходит в мире, и вот теперь, во время схваток с полчищами нежити, гонок на скоростных лодках и даже встречи лицом к лицу с таинственными богами троллей, друзья ждут указаний именно от него! Сможет ли мальчик стать настоящим лидером — таким, каким хотел бы видеть его отец, — или их с Макасой поиски обречены на неудачу?

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-109067-8

© 2018 Blizzard Entertainment, Inc. All rights reserved.
Traveler is a trademark, and World of Warcraft and Blizzard
Entertainment
are trademarks and/or registered trademarks of Blizzard
Entertainment, Inc.,
in the U.S. and/or other countries.

*Моим школьным преподавателям истории:
мистеру [Джеймсу] Экерману
и доктору [Джону] Джонсону,
превратившим факты в историю,
старинное — в насущное,
причины — в следствия, а человеческие судьбы —
в нити бесконечного гобелена...*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ВДОЛЬ ГРАНИЦ
ФЕРАЛАСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ ГОСПОЖА И ДИТЯ

Большая из двух лун Азерота, Бледная Госпожа, шла на убыль, но диск Голубого Дитя все еще пребывал в фазе полнолуния, меньший по размеру, и света обеих небесных сфер, даже в отсутствие костра, было вполне достаточно для дела, которым занимался в эту минуту Арамар Торн. Положив на колени блокнот, Арам, зажав в руке порядком укоротившийся карандаш, наконец-то рисовал одного очень близкого, но до сих пор не запечатленного на страницах блокнота человека.

Позируя, Макаса Флинтвилл чувствовала себя неловко.

— Не надо позировать, — сказал ей Арам. — Просто постарайся не слишком вертеться.

— Хорошо. Прекрасно, — сказала она, однако спина ее так и осталась прямой, а поза — заостреннейшей и мучительно неловкой.

Арам привык к тому, что Макаса всегда держится прямо. Но, сколько он ее знал, в собственной коже ей всегда было вполне удобно и уютно, и потому на рисунке эту неловкость и заостренность пришлось

постараться сгладить. Макасе Флинтвилл было семнадцать, но держалась она, точно женщина лет тридцати, а то и пятидесятилетний боевой генерал. Метр семьдесят восемь ростом, стройная, мускулистая, темнокожая; темно-карие глаза, черные волосы в мелких кудряшках... На борту «Волнохода» она стриглась как можно короче — так, чтобы стрижка повторяла форму головы. Однако их путь сквозь джунгли Фераласа длился уже почти месяц, и, хотя любой сторонний наблюдатель, несомненно, назвал бы волосы Макасы очень короткими, Арам, хорошо зная сестру, не сомневался: сама она давно думает, что ее прическа «недопустимо неопрятная».

«Сестру»... Теперь считать Макасу сестрой казалось вполне естественным. Поверить было невозможно, что всего месяц назад Арам, скорее, назвал бы ее «заклятый враг». Многое им с тех пор довелось пережить, и в доказательство этого у обоих имелись шрамы — и не только на теле, но и на душе. И теперь, рисуя тонкие темные рубцы поперек лба и левой щеки Макасы, Арам вспоминал их первую встречу семь долгих месяцев назад...

Отец Арамара Торна, капитан «Волнохода», покинул семью, когда Араму было шесть лет. Официально Грейдон Торн нанял Арама в качестве юнги, но на самом деле — с тем, чтобы наконец познакомиться с сыном.

Пока капитан Грейдон Торн пытался научить сына всему на свете, от фехтования до множества сведений о флоре, фауне и разумных обитателях Азерота, его второй помощник Макаса Флинтвилл взяла на себя нелегкую задачу: сделать из двенадцатилетнего мальчишки, никогда в жизни не то что не бывавшего в плавании, а даже не видавшего моря, моряка. Следовало признать, к учебе Арам в обоих случаях отнесся без малейшего интереса и прилежания. Ему попросту не хотелось быть на корабле с любым из них двоих, и скрывать это он даже не пытался.

В добавок, сам того не желая, Арам встал между Макасой и Грейдоном, к которому она относилась как к отцу... Одним словом, сказать, что в первые шесть месяцев знакомства Арам с Макасой не ладили, было бы шедевром преуменьшения.

Нарисовав множество неизвестно где и как полученных шрамов на неприкрытых руках Макасы, Арам занялся отделкой оружия и амуниции: абордажной сабли и секиры на поясе, длинной железной цепи через плечо и лежавшего рядом щита, обитого несколькими слоями гасящей удар сыромятной кожи.

Но за последний месяц все изменилось. Трагически разлученные с Грейдоном и «Волноходом» во время пиратского нападения на корабль, Арам с Макасой спаслись бегством в шлюпку и оказались совсем одни в диких, враждебных землях. Только теперь они подружились. Сколько раз, увидев, что он вынимает из кармана блокнот, Макаса лишь рычала:

— Даже и не думай помещать меня в эту треклятую книжонку!

И он неизменно отвечал:

— Обещаю, что не стану рисовать тебя, пока сама не попросишь.

И Макаса, конечно же, никогда не просила об этом. До самого сегодняшнего утра, когда она, к великому удивлению Арама, улыбнулась и сказала:

— Пожалуй, попрошу. Я слышала, это — добрая магия.

«Добрая магия»... Все то, что теперь связывало их... Они прошли через трудности и утраты, через опасности и трагедии. Но вместе — выжили, а заодно не только примирились друг с другом, но и осознали, что же связывает их. Свое истинное родство. Свое... братство.

Прервав работу, Арам поднял взгляд. Бледная Госпожа опускалась за каменную громаду Небесного

пика, где накануне, взяв с них последнее обещание и вверив им последнюю заботу, умер их друг, ночной эльф Талисс Серый Дуб.

Макаса в первый раз пошевелилась, оглянувшись через плечо туда, куда смотрел Арам. Высоты Небесного пика остались в долгом дне пути позади, однако оба они все еще могли видеть, как блестит в свете Синего Карлика водопад, у подножья которого Талисс обрел прошлым утром вечный покой. Повернувшись к Араму, Макаса печально кивнула: она понимала, куда устремлены его мысли. Забыв о необходимости позировать, она снова стала самой собой, и Арам поспешил запечатлеть на бумаге сочувствие в глазах сестры, заслуженное с таким трудом.

Да, Макасе не представилось ни возможности, ни времени, чтобы узнать и полюбить Талисса, как Арам, но это было неважно. Она понимала, что у Арама на душе, и этого было довольно. Сказать по правде, довольно было одного того, что ради спасения ее брата калдорай пожертвовал своей тысячелетней жизнью и принял в спину два арбалетных болта, предназначенных Араму. Этого было более чем достаточно, чтобы ночной эльф навсегда остался в храме ее памяти, как друг, соотечественник и настоящий герой.

Арам ощущал отсутствие Талисса куда острее и принимал его куда ближе к сердцу: общество мудрого, неизменно веселого ночного эльфа ненадолго заполнило пустоту, порожденную смертью отца. Теперь же для него были потеряны оба — и Грейдон, и Серый Дуб. «Не потеряны, — сказала бы Макаса. — Мертвы. Они мертвы. Прими это. Прими, и не пытайся подсластить». Жестким человеком была она, эта Флинтвилл, непоколебимо честным и прямым, но со временем Арам научился ценить эти качества.

— Мркса? — с надеждой спросил странный тонкий голосок.

Это был Мурчаль — их юный, маленький, зеленый, длиннорукий и длинноногий товарищ-мурлок; тело — практически одна огромная голова с большущими, проникновенными щенячьими глазами навывкате. Вдвоем с еще одним их спутником по имени Клок они вернулись в лагерь, неся с собой охапки хвоста.

Макаса с досадой покачала головой:

— Нет. Никаких костров. Я же сказала: мы все еще слишком близко к Забытому Городу и не станем поднимать в небо столб дыма, который приведет врага прямо к нам. Я-то думала, вы ушли за ягодами ветроцвета!

— Ягод нет, — сказал Клок, сваливая оказавшийся ненужным хворост между Арамом и Макасой. Мохнатый гиеночеловек был воином-гноллом, хоть и еще щенком (правда, щенком весьма сильным и широкоплечим).

Все ненадолго замолчали, оглядывая лагерь — каменистую полянку у небольшого ручейка, недалеко от границы между Тысячей Игл и непроходимыми джунглями Фераласа. Казалось, темные заросли в лунном свете клонятся к путникам, нависают над головой. Хворост, которому не суждено было стореть, лежал как раз там, где путники — оставь им поспешное бегство хоть толику времени для охоты или рыбалки — развели бы костер, приготовили добычу и наслаждались ужином. Четыре живота заурчали как один.

Только теперь Арам вспомнил, что голоден. Очень голоден.

— Урум н Мркса млгтгrrrr, — сказал Мурчаль. — Мурчаль н Лок млгтгrrrr. Мурчаль мрругл дrrrrзя ммгр ммм мммм флллуурлок, нрк нк мгrrrrрл. Нк мгrrrrрл!

Макаса, сощурившись, взглянула на мурлока и обратила вопросительный взгляд к Араму.

Тот только пожал плечами:

— Не знаю. Думаю, несколько слов могу угадать. Знаю, что я — «Урум», а ты — «Муркса»...

— Мркса, — поправил его Мурчаль.

— «Лок» — это Клок, — добавил Клок.

— И все мы — его «дрррзя». То есть, друзья. Но, кроме этого... нет, ничего не понимаю.

Но Мурчаль только покачал головой и еще три, а то и четыре раза повторил:

— Нк мгрррррл, нк мгрррррл...

Его живот громко заурчал, словно подчеркивая жалобу.

«Когда же мы в последний раз ели? — подумал Арам. — Дня три тому назад?»

За эти три дня им довелось потратить немало сил: вынужденный марш, гладиаторский бой, дерзкий побег... Казалось бы, он должен быть потрясен до глубины души. До полного отчаянья. Но — странное дело! — сейчас Араму было так легко, как не бывало уже много недель, может, даже месяцев. Как бы ни ныло в животе, душа его была спокойна. Да, они голодны, за ними гонятся. Но враг был далеко и, благодаря тому, что Арам с друзьями сбежали по воздуху, верхом на самой настоящей виверне, имел лишь самое смутное представление, в какую сторону направлении беглецы, и никак не мог напасть на их след. Потому-то Арам и смог ненадолго расслабиться в компании друзей, под умиротворяющим лунным светом.

Он завершил рисунок, поставив в уголке слегка приукрашенную завитушками подпись, и спрятал карандаш в карман рубашки. Макаса смерила его сердитым взглядом — о, как знаком был этот взгляд!

— Разве ты не хочешь посмотреть? — спросил он.

Клок с Мурчалем едва не опрокинули друг друга, спеша увидеть последнее творение Арама.

— Ммм мрррггк, — проворковал Мурчаль.

Со слов Талисса Арам знал: это значит «добрая магия».

Клок решительно кивнул и присоединился к похвалам Мурчала.

— Хорошая магия, — уверенно подтвердил он.

Для мурлока и гнолла «хорошая магия» Арамова блокнота была отнюдь не метафорой. Для них в том, как Арам, орудуя карандашом, переносит на бумагу людей и окрестные виды, действительно было что-то волшебное. Даже если бы на ладони Арама вдруг появились из ниоткуда настоящие ягоды ветроцвета, это вряд ли впечатлило бы их сильнее.

Что до самого Арама — ему просто нравилось рисовать и понимать, что это удастся ему очень и очень неплохо. Отчим счел его настолько талантливым, что, не пожалев недельного заработка, купил пасынку в подарок к двенадцатому дню рождения переплетенный в кожу блокнот, и этим блокнотом Арам дорожил больше всего на свете. По крайней мере, до тех пор, пока не получил от отца компас, а от Талисса — желуди.

Но сейчас Араму не хотелось думать ни о компасах, ни о желудях. Хотелось, чтобы Макасе захотелось взглянуть на свой портрет. Но она даже не сдвинулась с места. И даже сделалось ясно, не ответила на вопрос, хочет ли она взглянуть на рисунок.

— Так разве ты не хочешь посмотреть? — с внезапной неуверенностью спросил Арам еще раз.

Макаса вновь бросила на него сердитый взгляд.

— Не знаю. А ты как думаешь?

Зная, как это раздражает Макасу, Арам подавил желание закатить глаза, поднялся, обошел кучу хвороста и шагнул к ней.

— Надеюсь, что да, — сказал он, сунув блокнот ей под нос.

Макаса разглядывала освещенный луной рисунок целую минуту, и с каждой новой секундой Араму становилось все неудобнее. Наконец она заговорила:

— Так я и выгляжу?

— Мргле, мргле, — сказал Мурчаль (что, как было известно Араму, означало «да»).

— Макаса, — коротко подтвердил Клок, явно не сомневавшийся в этом ни на миг.

Арам сощурился.

— Во всяком случае, — ответил он, — так ты выглядишь для меня. Тебе не нравится?

— Она слишком мягкая, — задумчиво сказала Макаса.

«Не “я”, — подумал Арам. — “Она слишком мягкая”...»

— Ты ведь выглядишь так не каждую секунду, — сказал он вслух. — Только в один определенный момент. Но... именно такой я вижу тебя, если закрою глаза.

— Если ты видишь меня с закрытыми глазами, зачем мне нужно было позировать?

— Нет, понимаешь...

— Ладно. Наверное, вышло хорошо, — допустила она.

Но теперь Араму казалось, будто она просто старается успокоить его.

— Да нет, портрет вовсе не обязательно должен тебе понравиться, — сказал он, стараясь скрыть разочарование.

Закрыв блокнот, мальчик обернул его непромокаемой тканью, сунул в задний карман штанов и вернулся на место.

— Почему же, хороший портрет...

Однако это звучало еще менее убедительно.

— Ты просто несносна, — пробормотал Арам.

— А тебя избаловали, — откликнулась Макаса.

— Меня?

— Если все вокруг не поют тебе хвалебную оду, тут же начинаешь дуться.

— Никто и не просил тебя петь. Ты вообще петь-то умеешь?